

Б. ЗАЙЦЕВ

Дни

Requiem aeternam dona eis Domine *.

Полвека тому назад жил я в Москве, бывал в Петербурге. Существовало тогда там, не помню — где именно, артистическое кабаре «Бродячая собака». Какой-то темный закоулок, грязный двор, неказистая входная дверь чуть ли не в подвал — и сразу свет, столики, эстрада и все «наши» (более или менее наши). Неукротимый Борис Пронин (помощник режиссера Худож. театра в Москве), Кузмин, Блок, Городецкий, Добужинский, Гржебин... — и много еще народу в таком роде. Эстрада, пианино, за ним иногда Кузмин со своими песенками, разные артисты, декадентская девица Паллада — так прозвали ее почему-то в «Бродячей собаке» — и Кузмин сочинил о ней стишки: «Не забыта и Паллада в очарованном кругу. Ей любовь одна отрада...»

Шум, гомон, разумеется, вино. Как бы то ни было, место злачное и в своем роде даровитое. Дух артистизма и некой распущенности, пожалуй, упадочной. Но такое уж было время.

В один из приездов моих в Петербург, в 1913 году, меня познакомили в этой «Собаке» с тоненькой, изящной дамой, почти красивой, видимо избалованной уже успехом, несколько по-тогдашнему манерной. Не совсем просто она держалась. На мой, более простецко-московский глаз слегка доламывалась. Имя ее я знал, и она меня знала. Читал я ее мало, и она, наверное, меня не читала. Была она поэтесса, входившая в наших молодых кругах в моду — Ахматова. Видел я ее в этой «Собаке» всего, кажется, раз.

* * *

На днях получил из Мюнхена книжечку стихотворений, 23 страницы, называется «Реквием». На обложке: Анна Ахма-

* Вечный покой дай им, Господи (лат.).

това. Да, та самая. Развертываю — портрет (рисунок Сорина, 1913 г.). Конечно, она. И как раз того времени. Худенькая дама с тонкой и довольно длинной шеей, нос с горбинкой, изящное, остроугольное лицо, челка элегантная на лбу, сзади огромное устройство волос. Говорят, она не любила этот свой портрет. Ее дело. А мне нравится, именно такой помню ее в том самом роковом 13-м году. Но стихи написаны позже, и тогда не могли быть написаны: это уж революция (а не «Двенадцать» Блока, которые он моей жене обещал никогда *больше не читать*).

Эти стихи Ахматовой — поэма, естественно. (Все стихотворения связаны друг с другом. Впечатление одной цельной вещи.) Дошло это сюда из России, печатается «без ведома и согласия автора» — заявлено на 4-й странице, перед портретом. Издано «Товариществом зарубежных писателей» (списки же «рукотворные» ходят, наверно, как и Пастернака писания, по России как угодно). <...>

* * *

Да, пришлось этой изящной даме из «Бродячей собаки» испить чашу, быть может, горчайшую, чем всем нам, в эти воистину «Окаянные дни» (Бунин). <...>

Я-то видел Ахматову «царскосельской веселой грешницей», и «насмешницей», но Судьба поднесла ей оцет Распятая. Можно ль было предположить тогда, в этой «Бродячей собаке», что хрупкая эта и тоненькая женщина издаст такой вопль — женский, материнский, вопль не только о себе, но и обо всех страждущих — женах, матерях, невестах, вообще обо всех распинаяемых?

Хотела бы всех поименно назвать,
Да отняли список и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

В том-то и величие этих 23 страничек, что «о всех», не только о себе.

Опять и опять смотрю на полупрофиль соринской остроугольной дамы 1913 года. Откуда взялась мужская сила стиха, простота его, гром слов будто и обычных, но гудящих колокольным похоронным звоном, разящих человеческое сердце и вызывающих восхищение художническое?

Воистину «томов премногих тяжелей».

